

Вырезка из газеты

ПРАВДА СЕВЕРА

от 30 МАР 1974
Газета №

г. Архангельск

ИЗВОН реклам развѣивал сумеречность вечерних улиц Выборгской стороны, а в пятнадцатых шагах от трамвайной остановки жил своими, не похожими на наши, заботами XVII век. Вольнодумец и романтик, философ, драматург и поэт, смелый солдат и благородный человек Савиньен де Сирано де Бержерак острым словом и острой шпайгой разил своих врагов. В вагоне, когда мушкетеры и гвардейцы после сражения с испанцами дымили болгарскими сигаретами, я пытался найти капитана гвардии Карбона или Жоделе, директора театра, но мне сказали, что их уже нет: Жоделе играл в первых актах, а Карбон тоже уехал домой: его сегодня вызывали на совещание в управление культуры, он устал, а завтра у него свободный день.

Ни обаятельная Роксана, ни ее дунья, ни граф де Гиш, ни вельможа де Вальср не объяснили бы мне того, что знали те двое — вся эта французская знать была примерно такого ж возраста, что и афиша спектакля «Сирано де Бержерак», опечатанная, как значилось на выходных данных, в «тип. им. Скляпина, г. Архангельск» в 1942 году.

Эту выцветшую от времени афишу увидел я в театральном музее. Мне объяснили, что тот период хорошо помнят нынешний директор театра имени Ленинского комсомола Г. Д. Хованов (капитан гвардии Карбон) и К. А. Дмитриев (Жоделе), а еще А. В. Соколов (он теперь в Театре драмы имени Пушкина), И. Н. Вускович (на «Ленфильме»), А. Н. Лузина, Е. Я. Ванчугова, Г. М. Коркин — немногие из тех, кого в ночь на 3 марта 1942 году вывели из блокадного Ленинграда на Большую землю, вернее, на край Большой земли — в Архангельск.

Как это было? — При артобстреле здание нашего театра сильно повредили, мы выступали тогда на сцене Малого оперного, — вспоминает Герман Дмитриевич Хованов. — Труппа редела на глазах. Решили нас

эвакуировать. Через Ладогу переправили более или менее благополучно. Вомбили Жихареву, а она была в стороне. В Тихвине впервые за многие недели накормили настоящим горячим обедом, и мы... полегли. Дистрофия. Уложили нас в вагоны-теплушки, вывели на них мелом «люди» и повезли на Север.

Хочу рассказать вам...

СТАРАЯ
АФИША

В теплушках «ташкента» не было. Что толку в дровах, если никто не мог даже полена поднять! На безвестном разъезде в вагон, в котором ехал и Хованов, красноармеец подсел. До Нанюмы потеркински тешил шутками-прибаутками, штыком расщеплял чурбаки, докраивал кадил «буржуйку». «Артисты, говорил, и тылу, и фронту позарез сейчас нужны, и потому, говорил, в Архангельске вас живо на ноги поставят».

— Пожаловали мы туда как раз на восьмое марта. Встречали — шутили: дескать, лучшего подарка женщинам и желать не надо, — рассказывает Герман Дмитриевич. — Северянкам, собственно, и выпало первым проявить о нас, обессиленных, трогательную заботу. И тогда же мы убедились: время суровое, но потребность в искусстве у всех жива. Разве у представителя ставки Верховного командования Ивана Дмитриевича Паланина или у капитана Воронина (он тогда всем ледокольным флотом ведал) своих хлопот мало было? Однако не забывали и о нас, постоянно интересовались: как там ленинградцы? Исправляются?..

Номер стенной газеты те-

атра «Без грима», посвященный 30-летию снятия блокады, полон горьких воспоминаний о том времени: «Я жила на Садовой, на работу ходила пешком... Но мы репетировали, играли, и ленинградцы говорили нам: спасибо уже за то, что афиши висят». (О. Аверичева, заслуженная артистка республики).

сразу двух. В чем дело? Ведь утром они были на сцене... Были, говорят, да умерли...

Премьеру «Крылатого племени» удалось показать уже на выезде — вахтиникам северного неба. Это был первый спектакль театра имени Ленинского комсомола у нас. А потом они играли в «Фельдмаршале Кутузове», в «Машеньке», в «Последних», работали над «Нашествием», ставили героическую комедию Э. Ростана «Сирано де Бержерак». Старая афиша неожиданно и напомнила о давнем северном эпизоде из жизни ленинградских актеров. Но сохранился ли он в их памяти?

— До сих пор даже улицы и номера домов вижу, в которых дали нам приют архангелогородцы и северодвинцы, — говорит Герман Дмитриевич Хованов. — Нескольких лет назад вновь гастролировали у вас, не мог не пойти по старым адресам. Но Север мне дорог не только по сорок второму году. Я, например, близко знаком с вашим великим помором...

— ???

— Да, да, в фильме «Михайло Ломоносов» играл Лажечникова. На Севере началась и моя артистическая судьба. А еще раньше работал на стройке Беломорско-Балтийского канала техником-топографом.

— Когда нас перебросили через Ладогу, — сказал Александр Васильевич Соколов, — и когда мы узнали, что первая длительная остановка будет у нас у Белого моря, я сказал своим: «Теперь не пропадем!» Северян-то я и до войны знал неплохо. В 1934 году ставил в Архангельске «Маскарад» и «Чудесный сплав». Люди у вас благородные, щедрые сердцем. Они и в годы великих испытаний остались прежними...

В. НАСОНКИН.

Ленинград —
Архангельск.

А многие из них взяли в руки боевое оружие. Ф. И. Мольников, уходя на фронт, посадили на подоконник двух своих малышей. Он все оглядывался на то окно, покашел из дому... Малыши не дождался своего отца.

В той театральной стенгазете названы десятки имен, и под каждой фамилией одна из двух фраз: или «погиб в ополчении», или «умер от голода».

Еще из воспоминаний:

1 января 1942 года решили устроить елку для детей. После спектаклей рисовали картинки, наклеивали их на спичечные коробки. Ребятишки, а многих из них родители принесли на руках, получили из скудного артистического пайка (от Деда Мороза) подарок: в пакетике 1 пряник, 2 печенюшки и до пяти леденцов. Вдобавок каждого накормили пшенной кашей и напоили сладким чаем. Все из того же пайка.

После елочного мероприятия скудный «хлеб насущный» урезали до крох.

— Репетировали мы «Крылатое племени», — говорит режиссер спектакля, заслуженный артист РСФСР, лауреат Государственной премии А. В. Соколов. — После обеда нет